

В.В. Знаков

МЫШЛЕНИЕ, САМОСОЗНАНИЕ И САМОПОНИМАНИЕ

В статье обсуждается влияние смысловой теории мышления О.К. Тихомирова на современные исследования самосознания и самопонимания. Обосновывается, что процессы осознания субъектом себя неразрывно связаны с формированием операциональных смыслов. Смысл рассматривается одновременно и как когнитивный феномен, обусловленный знанием, получаемым в процессе мышления, и как порождение экзистенциального опыта, основанное на осознании субъектом ограниченности когнитивных, рациональных схем знаний о мире. Утверждается, что наиболее перспективное направление психологического исследования проблемы самопонимания — это сочетание когнитивных и экзистенциальных способов анализа порождения смысла.

Ключевые слова: мышление, знание, самосознание, самопонимание, когнитивные репрезентации, экзистенциальный опыт.

Двадцать лет назад мы с Олегом Константиновичем Тихомировым поставили перед собой задачу — переосмыслить ответ на парадоксальный вопрос, сформулированный еще М. Вертгеймером: что лучше — мыслить или знать? (Тихомиров, Знаков, 1989). Пытаясь ответить на него, мы придерживались распространенной в психологии конца XX в. точки зрения, согласно которой психологические механизмы понимания сводятся к решению мыслительной задачи. Например, Г.С. Костюк писал: «Понять новый объект — это решить некоторую, пусть маленькую, познавательную задачу» (1988, с. 198). Г.Г. Кларк утверждал, что «понимание лучше всего мыслимо как решение проблем» (Clark, 1977, р. 244). Л.П. Доблаев (1982) изучал понимание текста как последовательное разрешение скрытых в нем проблемных ситуаций. Д.Е. Рамельхарт считал, что понимание эпизода, представленного в тексте, предполагает решение читателем задачи установления структуры понимаемого эпизода (Rumelhart, 1977, р. 268). Аналогичную мысль высказывали Дж.Д. Брансфорд и Н.С. Маккаррелл: для понимания отношений, представленных в предложении, человек должен решить задачу создания ситуации, в которой эти отношения были бы подходя-

щими (Bransford, McCarrell, 1974, p. 212). В проведенном одним из нас экспериментальном исследовании было показано, что в зависимости от формулируемой цели и типа решаемой задачи у читателя могут возникать разные формы понимания одного и того же текста; нами также была изучена целевая динамика становления и развития форм понимания в мыслительной деятельности испытуемого (Знаков, Тихомиров, 1991).

Для того чтобы решить задачу, поставленную Вертгеймером, нам пришлось сформулировать несколько дополнительных вопросов, касающихся соотношения мышления, знания и понимания. Существует ли понимание, совершающееся без участия мышления? И наоборот: возможно ли мышление без понимания? Существует ли специфический процесс понимания, отличный от процесса мышления, неоднократно изучавшегося в психологических исследованиях? Можно ли говорить о понимании как специфическом виде мышления? В чем сходство и различие психологического содержания двух проблемных областей, которые условно можно назвать «знать и понимать» и «познавать и понимать»?

Результаты наших теоретических размышлений и эмпирических исследований, предельно обобщая, можно свести к следующему.

Понимание не является самостоятельным психическим процессом, таким, как внимание, память и т.п. Оно представляет собой результат мышления, но одновременно и один из его процессов, участвующих в обеспечении успешности решения задачи. Мышление направлено на поиск и переработку новых знаний, а понимание — на порождение смысла знаний, полученных субъектом в ходе мыслительной деятельности. Понимание всегда основывается на знании, полученном как в текущей, так и в предыдущей мыслительной деятельности. В свою очередь любое знание содержит в себе потенциальные возможности его понимания. Связующим звеном между знанием и пониманием в процессе мышления является смысл отраженного в знании фрагмента предметного мира.

Адекватное отражение человеком предметного мира в знании происходит в процессе оперирования объектами, из которых мир состоит. Мышление представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые неизвестные ранее стороны, свойства последнего, получает новое знание о нем. Понимание отличается от знания прежде всего тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Действуя, мысленно преобразуя отраженный в знании фрагмент действительности, человек выходит за его непосред-

ственные границы. Например, понимая художественное произведение, картину, зритель (соучастник творчества) включает его объективное содержание в контекст своего опыта и пытается определить замысел художника. Осуществляя выводы, выдвигая гипотезы, совершая другие мыслительные действия по преобразованию объекта познания, субъект получает новое знание о нем. Вследствие этого в акте понимания субъекту нередко открываются такие стороны объекта, которые не были в явном виде представлены в исходном знании.

Анализ знаний, необходимых для понимания, — распространенный методический прием в современной психологии, особенно когнитивной. Когнитивная традиция психологического познания основана на применении таких методов, которые выявляют знания о закономерных, как правило, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. В частности, П.Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого (Johnson-Laird, 1983). Ранее подобную точку зрения высказывал А.А. Брудный. Он рассматривал понимание как взаимодействие понимающего субъекта «с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять — значит собрать работающую модель» (Брудный, 1975, с. 115).

Процесс познания представляет собой постановку человеком вопросов об интересующих его сторонах действительности и поиск ответов на них, формулирование проблем, задач и их решение. В результативном плане познание — это совокупность знаний, возникающих в результате ответов на вопросы и решения задач. Акты познания, в том числе и те, которые впоследствии приобретают общественную форму и определяют прогресс человечества, совершаются в головах конкретных людей в процессе их мышления. Отношения между познанием и мышлением сложны и противоречивы. Познание переходит в мышление и практически перестает быть самим собой, когда продукт взаимодействия субъекта с объектом, т.е. знание, превращается в процесс (Пономарев, 1967). Включаясь в процесс мышления, знание становится дополнительным стимулом его развития и источником получения нового знания о действительности. В момент получения нового знания завершается один из циклов мыслительной деятельности. В этот момент мышление — поиск нового, неизвестного — снова на мгновение пре-

вращается в познание: человек узнает то, к чему стремился. Затем начинается следующий цикл взаимодействия человека с миром, образованный переходом познания в мышление и последнего снова в познание.

Какое место в диалектике отношений познания и мышления занимает понимание? Как в теории познания, так и в психологии мышления давно известно, что во время решения познавательной задачи субъект неоднократно переформулирует ее исходные условия. В каждой новой формулировке задачи уже в какой-то мере заключено неявное знание, являющееся решением этой задачи. У человека сформируется операциональный смысл последовательности шагов мыслительного поиска, он поймет переформулированную задачу и решит ее, если сделает из изменившейся ситуации такие предположения и выводы, которые не противоречат объективным условиям задачи и соответствуют целям познающего субъекта (например, если шахматист догадается, что размен ферзя может повлечь утрату инициативы и в конечном счете приведет к проигрышу).

Функция понимания в познании состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей. Проблемное знание отражает область тех неизвестных человеку закономерностей или способов действия, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, человек определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы к проблемному знанию на разных стадиях решения задачи. Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для познающего субъекта.

Итак, понимание как один из компонентов познания связано не столько с процедурами получения нового знания (операциями и действиями по преобразованию наличной ситуации, переформулированию исходных условий задачи, поиском новых способов решения и т.п.), сколько с процедурами его осмысления, порождения смысла. С этой точки зрения понимание представляет собой не простую констатацию наличия проблемного знания в мыслительной деятельности. Понимание включает выяснение того, почему что-то непонятно, почему в процессе мышления получено именно такое знание, а также на какие потенциальные вопросы оно может ответить, какую роль сыграть в решении задачи. Пони-

мая, мыслящий субъект исходит из своих целей деятельности и, кроме того, учитывает конкретные особенности понимаемой ситуации. В зависимости от этих факторов он устанавливает связи анализируемой ситуации либо с прошлым — известными ситуациями, выбираемыми в качестве образцов, ценностных ориентиров, либо с будущим — прогнозируемыми ситуациями, которые также становятся эталонами для сравнения. В первом случае понимаемое приобретает для субъекта смысл понимания-узнавания, во втором — понимания-гипотезы (Знаков, Тихомиров, 1991).

Творческий, преобразовательный характер понимания побуждает психологов задуматься над тем, что, вероятно, прав был российский мыслитель А.Ф. Лосев, который писал: «Мышление и понимание — принципиально различные сферы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекраивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым, несомненно, является мышление» (Лосев, 1997, с. 49). Истинность последнего утверждения становится очевидной и неоспоримой сразу же, как только современный исследователь вспоминает о том, что понимание является не только когнитивным, но и экзистенциальным феноменом (Бакеева, 2002; Знаков, 2005).

Описанные выше научные представления о мышлении, знании и понимании дают современным психологам основания для развития идей О.К. Тихомирова о соотношении мышления и самосознания субъекта. В конспективной форме они были изложены в его монографии «Психология мышления» (1984, с. 201—211).

В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время рассматривались как производные от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространено утверждение, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Как отмечал российский философ Ф.Т. Михайлов, индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Сходную точку зрения высказывал В.П. Зинченко. Он говорил, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не мень-

шей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и над-индивидуальных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21).

По существу, те же идеи, но применительно к мыслящему субъекту высказывал Тихомиров. Он писал, что человек осознает и познает не только предметы окружающего мира, но и особенности людей, включая себя, свои психические процессы, свойства и состояния. В последнем случае речь идет об исследованиях самосознания и таких важных его составляющих, как самопознание и самопонимание. Как и другие психологи, Тихомиров отмечал, что в самосознании обычно различают образный и понятийный компоненты, говорят о «Я-образе» и «Я-концепции» — образе себя и знании о себе. Однако он сделал еще один шаг вперед на пути анализа и дифференциации психологического содержания самосознания. Поскольку, писал он, «необходимо различать мышление и знание, поэтому наряду с традиционным термином “Я-концепция” мы вводим менее привычный термин “Я-мышление”, имея в виду процесс выработки человеком знаний о самом себе, которые образуют (или преобразуют) его “Я-концепцию”, процесс осознания, в котором человек как личность, индивид, индивидуальность является не только субъектом, но и объектом мышления» (Тихомиров, 1984, с. 201). Понятно, что для него в соответствии со смысловой теорией мышления процессы осознания субъектом себя были неразрывно связаны с формированием операциональных смыслов.

В современной российской психологической науке распространено положение о смысловой организации сознания, в частности той его стороны, которая направлена на отражение, рефлекссию и порождение человеком себя, т.е. самосознания. Например, по В.В. Столину (1983), единицей самосознания является конфликтный смысл Я. В.П. Зинченко (1991) считает смыслы образующими рефлексивного и бытийного слоев сознания. Естественно, что процессы смыслообразования играют важную роль также в функционировании самопознания и самопонимания. В этом контексте важно обратить внимание на неодинаковость, нетождественность феноменов «самопознание» и «самопонимание». Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа «Какой я?» или «Что я знаю о себе?». В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — причинные: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не нравится?» Результатом самопознания оказываются новые знания, а результатом самопонимания — новый смысл того, что человек уже знал о себе.

Смысл в значительной степени является не когнитивным, а экзистенциальным образованием. В отличие от знаний, получаемых в результате мыслительной деятельности, смысл — это такое порождение экзистенциального опыта субъекта, которое основано на осознании им ограниченности когнитивных, рациональных схем знаний о мире. Именно поэтому глубинные смыслы *Я* в большей степени доступны самопониманию, чем самопознанию. Процесс самопонимания дает субъекту возможность перехода к другим интерпретационным схемам, выхода на метауровень анализа себя, обращения как к глубинам, так и к вершинам своего *Я*. В результате человек становится способным выйти за свои пределы, в более широком, чем раньше, контексте представить и оценить себя. Такое самопонимание, с одной стороны, характеризуется меньшей осознанностью, но с другой — более явным субъективным ощущением глубины, невысказанности и потенциальных возможностей развития собственного *Я*.

Одна из главных причин трудностей, возникающих у субъекта при постижении глубинных смыслов *Я*, — непрозрачность отношений между осознаваемым и неосознаваемым. При психологическом анализе смыслообразования преодолевать эти трудности следует путем обращения к результатам уже проведенных психологических исследований. Особенно значимый вклад в анализ соотношения осознаваемого и неосознаваемого в психике внесли выдающиеся отечественные психологи О.К. Тихомиров и А.В. Брушлинский. Тихомиров (1981), развивая смысловую теорию мышления, установил, что в мыслительной деятельности большое значение имеют не только рефлекслируемое субъектом знание, но и невербализованные операциональные смыслы, установки, эмоциональные предвосхищения. Брушлинский, осуществляя микросемантический анализ личностного и процессуального планов мыслительной деятельности, показал их отношение к сознанию и бессознательному: «Мышление в личностном своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью на уровне сознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)» (2006, с. 549).

В самопонимании, включающем и осознаваемые и неосознаваемые компоненты знания о себе (как и вообще в понимании), большую роль играет осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер. Проблемность знания в значительной мере оказывается следствием того, что, пытаясь понять внешний мир, ориентируясь на его ценности, субъект как бы выходит за пределы

себя. Понятие «выхода за пределы себя» соответствует методологии современного научного познания. В частности, М.К. Мамардашвили (1996) полагал, что для того, чтобы быть самим собой, человек должен постоянно превосходить себя. Очень показательным в этом отношении оказывается акт понимания. Понимание — это и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Об этом очень точно сказал Ж.-П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: Соколов, 1995, с. 348).

Выход за свои пределы способствует, с одной стороны, углублению самопонимания, но с другой — нарастанию затруднений в понимании субъектом себя, ощущению невозможности полного осознания глубин своего Я.

Одна проблема, неизбежно возникающая в психологических исследованиях, заключается в том, что современный человек нередко оказывается скрытым, потерянным для самого себя, заслоненным миром, его сложными проблемами. Неудивительно, что, как показывают исследования, экзистенциально важное для субъекта жизни самопонимание закономерно включает моменты «потери себя». У субъекта возникает проблема: он не понимает, что он есть, и одновременно осознает, что у него нет никаких способов это узнать.

Другая сложность психологического анализа самопонимания состоит в том, что субъект даже при наличии желания, соответствующей мотивации может не понимать себя. Как отмечает современный немецкий психолог В. Кёлер (Köhler, 2004), истоки проблемы самопонимания следует искать в расхождении между тем, как анализирующий себя человек действительно понимает себя, и тем, как он должен понимать, т.е. должен был бы понимать себя в соответствии со своим настоящим, подлинным бытием. Немалые сложности возникают вследствие существования трех не совпадающих типов представлений о себе. Во-первых, реального, по мнению субъекта, образа Я. Во-вторых, такого, каким он хотел бы быть (желаемого Я). В-третьих, образа того, чего он о себе реально не знает (образа, соответствующего его сущности, подлинному бытию).

Психологический анализ выхода за пределы себя важен не только с познавательной точки зрения, т.е. выявления тех умственных операций и действий, посредством которых субъект познает и понимает себя. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого человека не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл.

К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Размышления направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жизни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Экзистенциальные составляющие психики воплощаются не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. С этой точки зрения понять — значит приобщиться к понимаемому, представляющему определенную ценность для понимающего субъекта и соотносённому со смысловыми образованиями его личности.

Согласно современной экзистенциальной традиции, бытие непроницаемо для мышления и, следовательно, не может быть описано в понятиях: экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания (Больнов, 1999). В экзистенциальной традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной и герменевтической. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. С герменевтической точки зрения понимание основывается не только на знании. Понимание порождается умственным действием, интерпретацией: путем выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализируемый им из памяти контекст. В экзистенциальной традиции контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром.

В основе экзистенциальной интерпретации понимания лежит неоднократно высказывавшаяся многими философами мысль о трудности постижения истины и даже о ее неуловимости для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в принципиальной невозможности полной вербализации. Истина всегда гораздо масштабнее и глубже всего, что можно поименовать, выразить словами. В неосознаваемости истины в свернутом виде неявным образом содержится знание о ней.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что с экзистенциальной точки зрения задача понимания для субъекта состоит в том, чтобы интуитивно постичь целое еще до ясного осознания его час-

тей. Процесс понимания, предшествуя знанию, порождает плохо осознаваемый понимающим субъектом контекст понимаемого. И чем отчетливее человек осознает ограниченность своего знания, его слитность с непознаваемым контекстом, тем, как это ни парадоксально, он осмысленнее им оперирует. «Осмысленно оперировать знанием, одновременно отдавая себе отчет в принципиальной невозможности “знания о знании”, в состоянии только тот, кто воспринимает его вместе с непознаваемым контекстом, т.е. не зная, понимает» (Бакеева, 2004, с. 42).

Для средневековых мыслителей специфика такого понимания, отличная от представлений современных когнитивистов, была неразрывно связана с исповеданием веры. Понимание считалось основанным на действии отрицания знания и восхождения к неизреченному единству человека с Богом. Сегодня с позиции современной психологии важно подчеркнуть, что восхождение осуществляется не за счет усилий рационального мышления, а всем существом человека, воспаряющего к высшим духовным устремлениям и поднимающегося над смыслом отдельных слов понимаемого высказывания или письменного текста. Если субъект хочет проникнуть в суть дела, то ему нужно не задерживаться на буквальном значении отдельных слов и выражений, а стараться постичь целое.

«Требование “подняться пониманием над смыслом слов” здесь не просто метафора, но призыв к действительному выходу в некое пространство — “пространство понимания”. Этот выход, таким образом, становится возможным только как бытийный акт, а не как мыслительная операция. Понять какое-либо высказывание означает здесь воспринять непостижимый максимум именно в том ракурсе, который и характеризуется данным высказыванием. В силу этого понимание выступает не как процесс усвоения смысла знания, но как выход в ту область (на границу знания), в которой содержится, а вернее сказать рождаются, все возможные смыслы вообще» (там же, с. 40).

Изложенные выше представления об экзистенциальной парадигме анализа понимания позволяют уточнить психологическую суть феномена самопонимания. Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику меняющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности (Cook-Greuter, 1994).

О сформировавшемся самопонимании субъекта можно говорить, если, во-первых, он может понять побудительные мотивы, движущие силы (в том числе бессознательные) своего поведения и их влияние на свою жизнь; во-вторых, он не только осознает убеждения, установки, разрушающие гармонию его отношений с самим собой и миром, но и интенционально направлен на выработку конструктивных способов их изменения; наконец, в-третьих, он автономен, относится к себе с уважением, способен достаточно полно и искренне выразить себя (вербальными и невербальными средствами).

На автономном уровне самопонимания субъект задает себе вопросы познавательного типа с целью сформировать целостное, непротиворечивое представление о себе, своем внутреннем мире. На поставтономном уровне для субъекта более важным оказывается выявление тех значимых для него ценностно-смысловых контекстов, в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут способствовать возникновению более конкретных вопросов. Вместе с тем на поставтономном уровне самопонимания рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса переструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной мысли и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это притом, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения. В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что стремление к постоянству индивидуальности — невозможная и ненужная мечта (вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания) (Cook-Greuter, 1994).

Следовательно, экзистенциальное самопонимание более трансцендентно, чем когнитивное. Оно основано на большем принятии субъектом противоречий в своем Я, меньшем стремлении найти всему рациональное объяснение, на понимании ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и осознании динамики изменяющихся,

временных ценностно-смысловых образований *Я*. В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным знанием и совсем неосознаваемые компоненты.

Итак, формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта, приобретаемого субъектом в разнообразных ситуациях человеческого бытия. Естественно поэтому, что именно сочетание когнитивных и экзистенциальных способов анализа представляется мне наиболее перспективным и современным направлением психологического исследования проблемы самопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакеева Е.В. Понимание как экзистенциальная проблема. Екатеринбург, 2002.

Бакеева Е.В. Апофатическое мышление как «метод» понимания // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 29.

Больнов О.Ф. Экзистенциальная философия. СПб., 1999.

Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопр. филос. 1975. № 10.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М., 2006.

Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопр. психол. 1991. № 2.

Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 1.

Знаков В.В., Тихомиров О.К. Понимание текста как процесс постановки и решения мыслительной задачи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 3.

Костюк Г.С. О психологии понимания // Костюк Г.С. Избр. психол. труды. М., 1988.

Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996.

Пономарев Я.А. Знания, мышление и умственное развитие. М., 1967.

Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / Отв. ред. Ф.Т. Михайлов. М., 1997.

Соколов Б. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования: Вторые Международные философско-культурологические чтения. СПб., 1995.

Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.

Тихомиров О.К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопр. психол. 1981. № 2.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знание и понимание // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 2.

Bransford J.D., McCarrell N.S. A sketch or a cognitive approach to comprehension: some thoughts about understanding what it means to comprehend // *Cognition and symbolic processes* / Ed. by W.B. Weimer, D.S. Palermo. Hillsdale, NJ, 1974.

Clark H.H. Inferences in comprehension // *Basic processes in reading and comprehension* / Ed. by D. Laberge, S.J. Samuels. Hillsdale, NJ, 1977.

Cook-Greuter S.R. Rare forms of self-understanding in mature adults // *Transcendence and mature thought in adulthood. The further reaches of adult development* / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. L., 1994.

Johnson-Laird P.N. Mental models — towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, MA, 1983.

Köhler W.R. Personenverstehen: zur Hermeneutik der Individualität. Frankfurt [Main]; Lancaster, UK, 2004.

Rumelhart D.E. Understanding and summarisation brief stories // *Basic processes in reading and comprehension* / Ed. by D. Laberge, S.J. Samuels. Hillsdale, NJ, 1977.